

ОДИССЕЙ

человек в истории

Самозванчество как
социокультурный феномен

В этом номере:

Из истории
средневекового портрета

История эмоций

История образования

2024 №1-2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

ODYSSEUS

Man in History

*Fraudsters, Impostors and
Imposture as a Sociocultural
Phenomenon*

2024

Moscow
IWH RAS
2024

ОДИССЕЙ

Человек в истории

*Мошенники, самозванцы
и самозванчество как
социокультурный феномен*

2024

Москва
ИВИ РАН
2024

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

*Издание основано в 1989 году
А.Я. Гуревичем*

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.),
Н.А. БОЛДЫРЕВА, А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. ред.; отв. секретарь),
О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.), О.В. ОКУНЕВА,
М.Ю. ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, А.А. ПАНЧЕНКО,
Л.П. РЕПИНА, Ж.-К. ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ,
М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Б.Н. МОРОЗОВ
кандидат исторических наук М.А. ВЕДЕШКИН

О-42 **Одиссей. Человек в истории** / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 1989–.

ISSN 1607-6184

2024. №№1-2 (32-33): Мошенники, самозванцы и самозванчество как социокультурный феномен / [гл. ред. А.О. Чубарьян; отв. ред. А.Б. Герштейн]. – М.: ИВИ РАН, 2024. №№1-2 (32-33). – 433 с.

В двудобном номере за 2024 год представлены тексты о мошенниках и самозванцах, встречающихся всюду, от России до Бразилии. Авторы уделяют пристальное внимание социокультурным аспектам этого феномена при реконструкции коммуникаций и актуализируемых повседневных практик в общении самозванцев с различными социальными группами.

Изучению визуальной культуры Средневековья посвящена статья Д. Олариу, в которой посмертные портреты рассматриваются в контексте коммеморативных практик. В номере также представлены статьи по истории Скандинавистики, истории образования, социальной истории и истории эмоций. Раздел рецензий знакомит читателя с сюжетом крестоносного цикла о Рыцаре Лебеда и с новым переводом на русский язык датских хроник.

Для специалистов гуманитарных наук и широкого круга читателей.

© Коллектив авторов, 2024

© Герштейн А.Б., отв. ред. выпуска, 2024

© Институт всеобщей истории РАН, 2024

ИСТОРИЯ ЭМОЦИЙ

К.А. Левинсон

«А НЕНАВИДЕТЬ У МЕНЯ ЕСТЬ КОГО»: ЗЛОСТЬ, ГНЕВ И ИХ (НЕ)ВЫРАЖЕНИЕ В МОСКОВСКОЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ 30–40-Х ГОДОВ XX ВЕКА

DOI: 10.32608/1607-6184-2024-32-33-1-2-14

Аннотация: В статье на материале мемуаров, анкет, писем и дневников тех, кто учился на историческом факультете Московского государственного университета имени Ломоносова во второй половине 1930-х и первой половине 1940-х годов, рассматриваются практики выражения злости, гнева и близких к ним эмоций в московской университетской среде. Репрезентации таких чувств встречаются в рассмотренных эго-документах редко, но все же позволяют сделать предварительный вывод о существовании норм, предусматривавших в иерархических отношениях большую свободу выражения этих чувств «сверху вниз» или «по горизонтали» и меньшую – «снизу вверх». Когда выражение злости или гнева ощущается авторами как нежелательное, мы наблюдаем три способа его легитимации: приведение обоснований, постановку себя в морально более сильную позицию, дающую больше прав, и перенаправление злости на легитимный объект.

Ключевые слова: университетская история, история эмоций, исторический факультет, Московский государственный университет, история советского студенчества.

Можно ли сердиться юным людям, особенно на тех, кто старше их по возрасту и по статусу? Можно ли изливать злость публично, особенно если злится девушка? А если она член ВЛКСМ? А если идет война? Если нельзя, то что делать, когда гнев переполняет? А если можно его излить, то как именно? В традиционной христианской и иудейской культурах гнев осуждался¹, но сохранили ли отрицательное отношение к этому чувству и его выражению те молодые люди в СССР, которые родились в годы революции, росли в

---

¹ Впрочем, гнев со стороны того, кто выше статусом, в Ветхом Завете не осуждается; скорее осуждается тот, кто навлек его на себя, ср. «Гроза царя – как бы рев льва: кто раздражает его, тот грешит против самого себя». (Притч 20:2).

окружении лозунгов беспощадной классовой борьбы² и вступали в самостоятельную жизнь в середине 30-х годов XX столетия, учась на воссозданном историческом факультете МГУ – на переднем крае борьбы за победу диалектического материализма над религиозным мировоззрением? Дать ответы на все эти вопросы невозможно в рамках одного небольшого исследования. Здесь будет предпринята только первая попытка подступиться к задаче.

Хотя тема этой статьи относится к истории эмоций, здесь нет возможности давать сколько-нибудь полный обзор той весьма обширной литературы, которая существует по социально-культурной истории эмоций вообще и злости, гнева и близких к ним чувств, в частности. Частичный обзор, отражающий ситуацию на 2012 год, можно найти в книге Яна Плампера «История эмоций»³. В качестве самого краткого историографического резюме можно сказать, что, с одной стороны, существует некоторое количество исторических исследований, посвященных психологическим, философским, социальным (в том числе гендерным) аспектам этих эмоций⁴, и среди них встречаются работы, в которых изучаются именно студенческие коллективы⁵; с другой стороны, ни одна из этих работ не посвящена Советскому Союзу сталинской эпохи. А с другой стороны, в тех весьма немногочисленных публикациях, в которых авторы рассматривают советское общество этого периода⁶, речь идет об иных эмоциях и иных субкультурах. Таким образом, при ориентации на методологию, выработанную американскими и германскими⁷ историками, предлагаемое вниманию читателей небольшое ис-

² Отметим еще одно обстоятельство, игравшее, вероятно, некоторую роль в формировании нормативных представлений советской молодежи об эмоциях: в отличие от французского оригинала и от переводов на другие языки, русский текст песни *Интернационал*, служившей с 1922 по 1944 год государственным гимном СССР, включал в себя прямое упоминание эмоции, родственной гневу: «Кипит наш разум возмущенный». Тем самым для борцов за дело мировой коммунистической революции возмущение нормализовывалось, по крайней мере в отношении таких людей или обстоятельств, которые опознавались как враждебные этому делу.

³ Плампер. 2018.

⁴ Прежде всего следует отметить основополагающую работу *Rosenwein*. 2002 – она посвящена французскому обществу XVIII столетия.

⁵ Например: *Luke*. 2004. Автор этой диссертации рассматривает, в частности, эмоциональную составляющую студенческих протестов против деятельности крупных табачных компаний в США.

⁶ Эдельман. 2010: 306–328; Кунцман. 2010: 380–400; Делалой. 2010: 431–456.

⁷ Здесь прежде всего следует назвать: *Lehmann*. 2012.

следование в основном представляет собой первую попытку рассмотреть с ее помощью проблему обхождения с собственной злостью в среде студентов исторического факультета Московского государственного университета в первое десятилетие после его воссоздания в 1934 году.

Предметом изучения в данной статье будут способы выражения, подавления или канализации таких сильных эмоций, которые обозначаются словами «гнев» «злость», «(рас)сердиться», «возмущение», «ярость», «раздражение» и однокоренными им глаголами, прилагательными и наречиями.

Объектом изучения будут служить источники личного происхождения, такие как письма, дневники, мемуары и ответы на вопросы анкет, написанные студентами и преподавателями исторического факультета МГУ и некоторых других московских вузов самостоятельно или наговоренные ими на магнитофонную пленку и впоследствии транскрибированные. Каждый из источников имеет как свою бесспорную документальную ценность, так и проблематичные стороны. Во-первых, транскрипции магнитофонных записей (особенно воспоминания С.И. Антоновой) подверглись литературному редактированию и, вероятно, не во всех случаях точно и полно передают высказывания мемуаристов; во всяком случае, они не передают интонации устной речи, которые порой выражают эмоции точнее, нежели слова. Во-вторых, используемые в качестве источниковой базы письма, дневники и мемуары в силу обстоятельств недоступны нам в оригинале, а те публикации, на которые мы вынуждены опираться, не следуют академическим правилам издания источников. В них можно предполагать наличие необозначенных редакторских исправлений или лакун, и проверить эти предположения сейчас нет способа.

У нас нет возможности удостовериться в правильности интерпретаций, переспрашивая авторов (всех их уже нет на свете), поэтому во избежание слишком вольного истолкования текстов из анализа будут исключены все выражения, относительно которых можно разумно предполагать альтернативные интерпретации или нельзя определить, описывают ли они чьи-то реальные эмоциональные проявления, – например, «не обижайся» или «меня ругали».

Что касается «реальности» чувств, необходимо сделать еще одну важную оговорку. Нет нужды возвращаться к дискуссии об

эмотивах⁸ и том, в какой мере и каким образом слова выражают эмоции говорящего и влияют на них: эта дискуссия касается слов, произносимых в момент, когда переживаются описываемые ими чувства, тогда как в наших источниках редко встречаются репрезентации эмоциональных состояний, которые еще длятся на момент записи. Это-документы, рассматриваемые здесь, представляют собой преимущественно рассказы об эмоциональных переживаниях, лежащих в прошлом. В каких-то случаях это прошлое отстоит от момента записи рассказа на несколько часов (дневник), в других на несколько дней (письмо), в третьих – на несколько десятилетий (мемуары). Таким образом, перед нами то, что Уильям Редди назвал «просто отчетом» (а „mere report“)⁹, репрезентацией чувств. В какой мере эти отчеты о чувствах, испытанных в прошлом, «точные» или «искренни»¹⁰, определить в подавляющем большинстве случаев невозможно, как нельзя и выявить на их основе те случаи, когда субъект подавил в себе некое чувство¹¹ или неосознанно его переживал, или переживал осознанно, но не высказывая, или высказал его в реальной ситуации, но предпочел об этом в позднейшем отчете не рассказывать вовсе или рассказать иначе.

Рассматривая это-документы, такие как дневники, письма, мемуары или ответы на вопросы анкет, мы имеем дело с текстами,

⁸ Эмотивы – это слова и другие языковые средства, с помощью которых люди описывают свои и чужие эмоциональные переживания; можно также сказать, что эмотив – это выраженная с помощью речи эмоция. Термин был введен Уильямом Редди в статье *Reddy*. 1997.

⁹ *Reddy*. 1997: 331.

¹⁰ Кавычки в данном случае призваны указать на то, что сами понятия точности и искренности не применимы к репрезентациям эмоций в том смысле, в каком мы можем говорить о точности и искренности показаний человека, например, о том, где он находился или что делал в тот или иной момент.

¹¹ «Пограничный» случай – когда мы читаем свидетельство человека о том, как некто другой подавляет в себе подобные чувства. Например, в воспоминаниях М.Г. Рабиновича, учившегося на историческом факультете МГУ в 30-е годы, встречается фраза: «И я тогда лишь понял, что Тихомиров с трудом сдерживает раздражение, что он болезненно обидчив и очень ехиден». Трудно судить о том, насколько верным было это понимание, тем более что, оглядываясь назад при написании мемуаров 30 лет спустя, мемуарист признает, что ему не свойственна была «тактичность», т.е. умение представлять себе эмоциональные реакции собеседников на его слова. См. *Рабинович*. 2005: 145.

подчиняющимися, наряду с авторским замыслом и стилем, определенным жанровым конвенциям, которые – и это становится особенно хорошо заметно на большой временной дистанции – историчны: то, как писали дневники и письма московские студенты в 30–40-е годы XX в., не похоже на то, как пишет сегодняшнее поколение или писали в XIX веке, и мемуары конца 1980-х годов заметно отличаются от мемуаров нынешних или дореволюционных. Это тривиально; гораздо менее тривиальная задача – определить, есть ли в этих конвенциях какая-то групповая, корпоративная, субкультурная специфика. Можно ли сказать, в какой мере репрезентации чувств (конкретно – злости), которые мы обнаруживаем в этих эгодокументах, определяются некими специфически «университетскими» конвенциями, и если да, то можем ли мы реконструировать эти конвенции на основе изученных текстов? Ниже будет предпринята только попытка сделать первые шаги в поиске ответа на эти два вопроса. Для полноценного ответа необходимо исследование на гораздо более обширной источниковой базе, включающей в себя эгодокументы представителей различных общественных групп и субкультур.

1.

Ответы на вопросы анкеты, распространявшейся Комнатой боевой славы исторического факультета МГУ среди бывших истафовцев – ветеранов и современников Великой Отечественной войны, представляют собой жанр, отчасти родственной мемуарному, но отличающийся от него тем, что тематика и направление воспоминаний заданы заранее сформулированными вопросами. Самых вопросов в опубликованных текстах нет, и мы можем лишь догадываться, как они были поставлены. Но кроме того, играл немаловажную роль и «адресат» этих воспоминаний: по замыслу, их должны были читать студенты, посещающие Комнату боевой славы. В рамках военно-патриотического воспитания, которому служила эта комната, нужно было рассказать новым поколениям истафовцев именно о боевой славе их предшественников. Этим сразу задавались определенные рамки, предписывавшие одни тематические и стилистические решения и отсекавшие другие. Другое дело – как эти имплицитные рамки интерпретировал и насколько обязательными считал их тот или иной автор. Его решение зависело, в частности, и от его актуального статуса, и от привычки к чтению и

написанию текстов того или иного типа. Так, С.М. Суслин¹², подписавшийся «Суслин Серафим Михайлович, дипломат», в своем длинном (24 машинописных страницы) ответе, написанном в 1984 г., постоянно, пусть и не всегда безупречно, воспроизводил клише из советского газетного языка брежневских десятилетий. В этом языке не полагалось использовать слова «рассердиться», «злиться», а вот словам «гнев» и «возмущение» в нем отводилось легитимное место, они обозначали главные чувства, которые полагалось советским людям демонстрировать по отношению к врагам¹³: «Гневом возмущения наполнялись наши сердца, когда мы читали о злодеяниях палачей Герники и восхищались мужеством испанских республиканцев»¹⁴, писал С.М. Суслин.

Тем, кто жил в советские времена и помнит, как в средствах массовой коммуникации СССР то и дело говорилось про «гнев и возмущение всех советских людей», в том числе по поводу таких событий или лиц, о которых подавляющее большинство населения не знало и едва ли испытывало по их поводу какие-либо чувства (например, по адресу Б.Л. Пастернака или А.Д. Сахарова), может быть трудно поверить в то, что этой формулировкой вообще когда-либо описывались чьи-то реально переживавшиеся эмоции. И есть основания думать, что во многих случаях, действительно, гнев и возмущение имели место не в сердцах масс, а только в текстах ТАСС. Но бывало и так, что официальным, газетным языком и обычно сильно отличавшимся от него языком большинства эго-документов (хотя в принципе встречаются и личные письма, написанные словно бы цитатами из газет), описывались одни и те же реальные переживания – в частности, эмоциональное впечатление от

---

¹² С.М. Суслин поступил на исторический факультет МГУ в 1937 г. и окончил его в 1946 г., после демобилизации. Впоследствии работал в Министерстве иностранных дел СССР.

¹³ «Гнев и возмущение» были стандартными в официальной риторике чувствами, приписывавшимися «советским людям» по отношению к «врагам народа», «поджигателям войны», «фашистским палачам», «изменникам Родины» или «израильской военщине». Во время войны принято было говорить также о «ненависти» по отношению к немецко-фашистским захватчикам, а «возмущение» относилось скорее к злодеяниям, совершенным ими. Формула «всеобщая ненависть и презрение трудящихся» входила в текст советской воинской присяги.

¹⁴ Суслин С.М. Об истфаке, о моих товарищах и о себе // Антонова, Богданов. 2009: 228.

военных преступлений нацистов. Так, историк М.Т. Белявский¹⁵ 5 января 1942 г. писал из армии своим близким в эвакуацию, поздравляя их с Новым годом: «Теперь, когда я сам видел, что делают фрицы в захваченных ими районах, еще более злости и ненависти к ним накопилось»¹⁶. Колеблется между газетным и разговорным стилями язык В.А. Свойкиной¹⁷, которая в кратких рукописных воспоминаниях для Комнаты боевой славы писала:

«Я не могла оставаться только наблюдателем событий и того чувства патриотизма, которым был охвачен весь наш народ. Злость на проклятого немца, так бессовестно нарушившего договор о ненападении, была у каждого – будь то русский или украинец, таджик или узбек»¹⁸.

Здесь тоже трудно понять, пишет ли автор о собственной злости или повторяет топоры, описывавшие чувства «всех советских людей» скорее с прескриптивной, нежели с дескриптивной целью.

В опубликованных в сборнике «Мы шли навстречу ветру и судьбе...» воспоминаниях выпускников истфака МГУ, представленных в качестве ответов на анкету Комнаты боевой славы в советские годы, крайне редко встречаются сцены, в которых студенты и преподаватели открыто «злятся», «гневаются», «возмущаются» или «сердятся» друг на друга, будь то в глаза или за глаза. В этом сходятся, с одной стороны, нормы этикета, действовавшая в любом советском учебном заведении (нижестоящим в иерархии непозволительно демонстрировать такие чувства по отношению к вышестоящим), и, с другой стороны, советские жанровые конвенции воспоминаний, написанных в целях военно-патриотического воспитания: говоря о сплочении перед лицом врага, упоминать о вспышках подобных эмоций между своими было неуместно. Однако если воспоминания писались независимо, а уже потом готовые фрагмен-

¹⁵ Белявский М.Т. (1913–1989), окончил в 1937 г. Московский городской педагогический институт, работал учителем, завучем в московской школе, его жена – И.М. Белявская (1913–1975), в годы войны была аспиранткой истфака МГУ.

¹⁶ Белявский М.Т. Из писем и записей первого года Великой Отечественной // Антонова, Богданов. 2009: 545.

¹⁷ Свойкина В.А. (1905 – ?) окончила Педагогический институт иностранных языков, в 1950–1980 гг. работала на кафедре иностранных языков исторического факультета МГУ.

¹⁸ Свойкина В.А. Боевой путь // Антонова, Богданов. 2009: 571–572.

ты, касавшиеся военных лет, были переданы в качестве ответа на анкету, то в них действовали другие жанровые конвенции, и мы можем встретить репрезентации или по крайней мере отголоски этих чувств. Так, Л.В. Алексеев¹⁹ передал в архив полный текст своих воспоминаний, но в качестве ответа на анкету были использованы выдержки из них. В частности, мемуарист рассказывает о профессоре кафедры археологии Б.Н. Гракове, что

«стоит ему вспыхнуть гневом (что бывает довольно часто), и очки его взлетают на лоб, он громко и визгливо сыплет такие резкие, внутренне отработанные вещи, что слушающие изумленно понимает, что все благодушные профессора наигранное. [...] К сожалению, его взбалмошный характер всегда и везде приобретает ему много самых разнообразных врагов»²⁰.

По мере ухода в прошлое советских времен и их стилистических порядков воспоминания выпускников истфака МГУ для Комнаты боевой славы тоже стали свободнее от прежних жанровых конвенций, но все же, если мемуаристы и упоминали проявления злости, возмущения, гнева не по адресу фашистов, а по адресу товарищей по университету, они обычно сопровождали их объясняющими и оправдывающими комментариями. Например, Ю.А. Рапопорт²¹ в интервью, данном в 2002 г., рассказывая об уже давно умершем своем руководителе С.П. Толстове²², рассуждал:

«Видимо, Сергей Павлович был похож на своего дядю. Тот во время отступления²³ записал в дневнике: „Все труднее и труднее становится бороться с яро-

¹⁹ Л.В. Алексеев – д.и.н., археолог, поступил на исторический факультет МГУ в 1941 г., окончил его в 1948 г. После войны работал в Институте археологии Академии Наук.

²⁰ Алексеев Л.В. Из воспоминаний // Антонова, Богданов. 2009: 461. Грамматика оригинала сохранена.

²¹ Рапопорт Ю.А. (1924–2009) – историк, археолог, этнограф, к.и.н., закончил исторический факультет МГУ в 1951 г., затем работал в Институте этнографии АН СССР.

²² Толстов С.П. (1907–1976) – этнограф, археолог, историк-востоковед, д.и.н., проф., чл. корр. АН СССР (1953), в 1939–1951 гг. – первый заведующий кафедрой этнографии исторического факультета МГУ, с 1942 г. – директор Института этнографии, в 1949–1954 гг. – заместитель главного ученого секретаря Президиума АН СССР. В 1943–1944 гг. – декан исторического факультета МГУ.

стью, которая разрывает грудь“. А у Толстова бывали сильные вспышки гнева, иногда совершенно необоснованные. Я-то думал, что это у него после контузии. Он ведь ушел в ополчение в артиллерийскую разведку»²⁴.

И наследственность, и психоневрологические последствия контузии, – факторы, которые от человека не зависят и с которыми ему трудно совладать, поэтому и то, и другое могло служить оправданием для такого нарушения правил этикета, как вспышки гнева, даже совершенно необоснованные.

Встречаются, впрочем, мемуарные рассказы о давнишних проявлениях злости, в том числе собственной, где попытки дать ей какое-то извиняющее объяснение или сглаживающую интерпретацию отсутствуют, а имеются, скорее, обоснования ее оправданности. Так, например, С.И. Антонова, которые долгие годы заведовала Комнатой боевой славы исторического факультета МГУ и инициировала как распространение анкеты среди истфаковцев-ветеранов, так и публикацию их военных писем, дневников и воспоминаний, в своих собственных устных мемуарах несколько раз отходит от тех конвенций, которые обычно соблюдались мемуаристами, чьи тексты вошли в выпущенный ею сборник.

Подробно рассказывая о том, как она сдавала кандидатский минимум, С.И. Антонова сообщает, что у нее «прямо на экзамене начался спор» с профессором Г.Н. Анпиловым: он считал, что она должна была отвечать по списку литературы, а она – что важнее тот реферат, который она подготовила. Профессор «настаивал на своем [...]. Я же начала сердиться и говорю:

— Ну не читала я, и не считаю нужным. Потому что сейчас это можно сделать только поверхностно, это верхоглядство!»²⁵

Выиграть спор молодой аспирантке не удалось, но был достигнут компромисс: экзамен перенесли на месяц и обязали ее за это время освоить литературу списка. «Продолжать этот конфликт»

---

²³ Ю.А. Рапопорт сообщил, что генерал-лейтенант В.С. Толстов во время Гражданской войны был избран атаманом Уральского казачьего войска и командующим отдельной армией, которая была разбита под г. Уральском и вынуждена отойти к Мангышлаку, а затем уйти из России через Каракумы. *Рапопорт Ю.А. Толстов Сергей Павлович // Антонова, Богданов. 2009: 576.*

²⁴ *Рапопорт. 2009: 576.*

²⁵ *Антонова. 2014: 300.*

С.И. Антонова не стала. Затем следует описание ее разговора со своим научным руководителем – А.М. Панкратовой²⁶:

«[...] когда рассказала Анне Михайловне (а она была в момент экзамена где-то в командировке), она ужасно рассердилась на меня. Она никогда не позволяла себе повышать голос, а здесь повысила голос:

— Да как вы могли? Я же говорила вам, что без меня ни в коем случае экзамен чтобы не был. [...] вот видите, как вы разошлись во взглядах на то, какой должна быть практика кандидатского минимума? А ведь это можно было предположить.

— Да я и предполагала, — говорю я, — что он так поставит вопрос, мы с ним долго спорили.

— Не думала я, что до такого конфликта дойдет! Но знайте, я на вас обижена, что вы пошли без меня на экзамен»²⁷.

Никаких комментариев по поводу такого своего поведения на экзамене и поведения своей руководительницы С.И. Антонова здесь не приводит, но о том, как она трактует вспышки злости «сверху вниз», можно судить по ее комментарию к другому эпизоду. Рассказывая о М.В. Нечкиной, С.И. Антонова сообщает, что ей пришлось «столкнуться с ней» в одной «неприятной ситуации», связанной с вопросом о кадрах (кого из молодых оставить на кафедре), и узнать «такую неприятную черту ее характера – самолюбие. Она настойчиво, вплоть до озлобления, пробивала своего студента, а потом аспиранта». Сама же Антонова считала, что место надо отдать другому претенденту.

Может быть, я была не во всем права, но до сих пор считаю, что моя позиция была верной. И я очень была удивлена, когда Милица Васильевна чуть ли не прибежала на факультет и искала со мной встречи, чтобы крайне раздраженно высказать мне недоволь-

²⁶ Панкратова А.М. (1897—1957) – историк России XIX–XX вв. и рабочего движения, академик АН СССР. В 1934–1937 гг. заведовала кафедрой истории СССР исторического факультета МГУ. В 1937–1940 гг. – профессор Саратовского государственного университета, заведующая кафедрой истории СССР в нем. Одновременно работала в МГУ и других научных учреждениях Москвы. С 1940 г. – заместитель директора (в 1942 г. – и.о. директора) Института истории АН СССР.

²⁷ Антонова. 2014: 301.

ство такой моей позицией. [...] Причем я от нее такой формы раздражения никак не ожидала. Лекции она всегда читала красиво, приятным, хорошо поставленным голосом. [...] Но вдруг я услышала от нее крайнее раздражение. Куда девалась эта хорошая постановка голоса? Она срывалась на крик, чем бесконечно меня удивила. [...] Она сочла возможным со мной (конечно, ведь в «табели о рангах» я стояла намного ниже ее по общественной лестнице) позволить себе такую выходку, такое раздраженное поведение²⁸.

Что же касается вспышки злости С.И. Антоновой во время спора с профессором, она никак не комментирует ее, не обосновывает свое право на демонстрацию злости «снизу вверх». Это, с одной стороны, может быть проявлением ее характера: она отмечает, что ей «не нравилось [...] низкопоклонство перед вышестоящими»²⁹. С другой стороны, в том, что и как она говорит во время спора («Это верхоглядство!» – на повышенных тонах), заметна, пусть в виде намека, боевая риторика комсомольских и партийных собраний 20–50-х годов. Именно путем перевода академических споров в идейно-политические конфликты студенты и аспиранты, если выступали в них атакующей стороной, получали возможность занять доминирующее положение по отношению к преподавателям, в том числе и в особенности старшего возраста, особенно если у тех были какие-нибудь «пятна в биографии» (у Анпилогова их на тот момент не было, но они могли возникнуть задним числом – при следующем повороте генеральной линии партии те или иные прежние знакомства или высказывания могли оказаться компрометирующими). Как быстро и легко споры по, казалось бы, чисто академическим вопросам перерастали в «дела» и проработки на партсобраниях, всем участникам событий было прекрасно известно. С.И. Антонова поместила в сборник письмо, в котором ее однокашник М.Я. Гефтер рассказывал своему другу Б.Г. Тартаковскому, как «история со студенческим докладом» М.С. Восленского³⁰, которого защищал от

²⁸ Антонова. 2014: 176–177. О том, что М.В. Нечкина за неправильно написанный доклад «ругала» его (автора, а не доклад) так, как никто с тех пор его не ругал, пишет в своих мемуарах М.Г. Рабинович. Мы, однако, не знаем, каковы были выражения и интонации, к которым она прибегала, и какие эмоции она при этом демонстрировала. См. Рабинович. 2005: 137.

²⁹ Антонова. 2014: 177.

критики профессор, академик Л.Н. Иванов³¹, превратилась в «дело Восленского», а оно – в «дело Иванова», и «кончилось всё обще-университетским партсобранием, на котором им так вломили, что Иванов поспешил уйти из университета»³².

Таким образом, мемуары С.И. Антоновой – или скажем осторожнее: их печатная версия – позволяют увидеть, как она, молодая аспирантка (но член партии с 1928 г.), осознанно или неосознанно дав прозрачный намек на возможное дальнейшее развитие событий, потенциально неблагоприятное для Г.Н. Анпилогова, смогла если не выиграть спор, то во всяком случае безнаказанно рассердиться на профессора.

2.

В личных письмах мы обнаруживаем репрезентации злости, гнева, возмущения значительно чаще, чем в мемуарах и ответах на вопросник Комнаты боевой славы исторического факультета. Правила проявления чувств в этих жанрах были иными. Однокурсники и однокурсницы часто весьма откровенно высказывали друг другу, что было у них на душе, причем это вовсе не означало, что дружбе конец: вспышка открытой злости гасилась и заглаживалась часто в том же письме или в следующем. Например, Р.С. Горелик в 1942 г. писала своей подруге Л.В. Максаковой, которая поделилась с ней своим желанием поступить в штурманскую школу:

«Относительно твоих планов – ты, мне кажется, заслуживаешь взбучки. Нельзя же сейчас так разбрасываться и многого желать. [...] Пойти в школу Расковой – там ведь учиться минимум полгода, а [...] надо уже работать, а особенно тебе, уже имеющей две важнейших специальности. [...] Не обижайся, Лидок, за резкость, я просто очень разозлилась на твой вопрос и разучилась спокойно реагировать. Пиши мне часто –

³⁰ М.С. Восленский (1920—1997) поступил на исторический факультет МГУ в 1939 г. После окончания МГУ год проработал в Коломенском учительском институте, затем вернулся в Москву, и в 1945 г. поступил в аспирантуру.

³¹ Л.Н. Иванов (1903—1957) – специалист по новейшей истории международных отношений, доктор экономических наук, академик АН СССР с 1943 г. В 1937–1949 гг. – профессор исторического факультета МГУ.

³² Письмо М.Я. Гефтера Б.Г. Тартаковскому. Москва 20.VI. [1944] // Антонова, Богданов. 2009: 154, 508.

твои письма делают и меня оптимистом. Всем привет.
Крепко целую тебя»³³.

Даже в письме к возлюбленной молодой человек вполне мог говорить о злости. Так, Николай Майоров³⁴ 8 ноября 1941 г. из армии писал своей подруге Ирине Пташниковой³⁵, эвакуированной в Ташкент, что их общие однокурсники «всегда хотели видеть, чтоб я был вместе с тобой, а посему особенно зло лают на меня сейчас»³⁶. И далее:

«Курю. Думаю. Ругаю. Всех. Себя. Иногда разговаривать ни с кем не хочется. [...] Насуплюсь и молчу. Тяжело идти, но я, дай бог, более или менее вынослив. Плохо (очень) с питанием. Есть с чего быть злым»³⁷.

Для своей злости, как видим, он привел сразу несколько оправданий, а в какие-то моменты, по собственному признанию, он и сердился на самого себя за свою злость, хотя в принципе заявлял о положительном к ней отношении:

«А рядом идут куда-то поезда. Может, в Ташкент. И вдруг рассердишься – да чего я это в самом деле? Всё перемелется, всё. Будем веселыми. И ты хорошо живи, веселей, бери всё, что можно, а вообще мне тебя не учить! Это я просто от злости, бешусь. Злых я люблю, сам – злой»³⁸.

Впрочем, это исключительный пример: у других авторов, чьи тексты опубликованы в рассматриваемых сборниках, мы такой концентрации рассказов о злости не обнаруживаем. Здесь, конечно, сказалась личность автора: Майоров был известен среди однокашников страстностью своей натуры и жестким языком своих стихов.

Наиболее часто встречается в эпистолярных текстах демонстрация собственной или чужой злости, обиды, раздражения,

³³ [Максакова]. 2005: 59.

³⁴ Майоров Н.П. (1919–1942) поступил на исторический факультет МГУ в 1937 г. С 1939 г. одновременно учился в Литературном институте им. М. Горького. Уже в студенческие годы был известным поэтом.

³⁵ Пташникова И.В. (1919–2002) – историк, археолог. Поступила на исторический факультет МГУ в 1937 г.

³⁶ Майоров Н.П. Письма к Ирине Пташниковой // Антонова, Богданов. 2009: 207.

³⁷ Майоров. 2009: 208.

³⁸ Майоров. 2009: 208.

мотивированных тем, что человек долго не получает известий от дорогих ему людей, особенно во время войны, когда одни были на фронте, другие в Москве, третьи где-то в эвакуации, и письма были главным средством общения: «Имеешь ли что-нибудь от Оси? У меня недавно были его родные, они очень давно ничего не получали и страшно волнуются. Обижаются, почему ты не пишешь», – писала 27 марта 1942 г. Леля Горелик своей однокурснице Лиде. Ей же писала 18 февраля 1945 г. Сара Шапиро: «Что же Вы молчите? Я уже не знаю, что и думать, даже сердиться на вас не могу, потому что очень волнуюсь за Лелю».

Иерархические отношения, существовавшие в советском вузе между преподавателями, с одной стороны, и студентами и аспирантами, с другой, включали в себя одновременно и статусное неравенство, и возрастное³⁹. Как традиционный этикет народов Российской империи, так и советский предусматривали в рамках обеих иерархий достаточно жесткий запрет на любую открытую демонстрацию гнева, злости или раздражения «снизу вверх», тогда как «сверху вниз» и между равными этот запрет был мягче: сердиться на стоящих на той же ступени или ниже в статусной и/или возрастной иерархии было вполне позволительно, но вежливость интеллигентного человека требовала даже в гневе избегать грубости, ругательств, оскорблений и насилия. Это касалось и переписки. Более того, проявлением уважения к наставнику могло быть, в частности, стремление дать такую публичную интерпретацию его высказываниям даже в личных письмах, которая сгладила бы резкие эмоциональные проявления, дала им оправдания или представила их как рациональные и обоснованные акты – оценки, порицания, заявления социально одобряемой гражданской позиции. Это мы наблюдаем, например, в публикации Ф.А. Тодер⁴⁰, ко-

³⁹ Хотя самому младшему из преподавателей – например, аспиранту, имевшему учебную нагрузку, – могло быть не больше лет, чем самому старшему из студентов – например, пришедшему в университет после рабфака и фронта, – все же преподаватели считались «взрослыми», «старшим поколением», а студенты до самого выпуска – «молодежью»: с ними проводилась «воспитательная работа», их поведение контролировалось, и они должны были называть преподавателей на «вы», по имени и отчеству, тогда как преподаватели могли себе позволить говорить им «ты» и отчество не использовать.

⁴⁰ Тодер Ф.А. – историк-востоковед, в годы войны была аспиранткой исторического факультета МГУ.

торая, рассказывая о своем научном руководителе Г.С. Кара-Мурзе⁴¹, как бы спешит с самого начала предупредить читателя, что ее герой – «суровый с виду, немного жестоковатый»⁴², и далее в рассказе дает апологетические комментарии к фрагментам из его писем, в том числе и тем, где злость высказана им не прямо в ее адрес, а в адрес тех неназываемых лиц, к чьим мнениям она, как он подозревал, прислушивалась:

«В своих письмах ко мне Георгий Сергеевич старался поддерживать во мне бодрость, но в то же время не скупился на упреки, когда я пыталась смягчать его резкие оценки в отношении тех, с кем он не был согласен или чьи действия порицал.

„1 сентября 1943 г.

Чувствую себя виноватым перед вами за последнее злое письмо. И вы наверно обиделись, да? Ну простите, я ведь не хотел вас обидеть. А может было даже к лучшему, что написал вам так зло, ибо теперь чувствую себя виноватым перед вами, а если бы не написал, остался бы неприятным осадок от вашего письма. Значит, помирились, да?“

Ну как можно было не мириться с этим увлеченным ученым, столь увлекающим других и столь искренним и в своих творческих поисках, и в своем гражданском негодовании приспособленцами.

„[...] если диссертацию рассматривать с точки зрения куска хлеба с маслом, тогда все это ни к чему, зачем было в науку идти, лучше уж завмагом или в «Гастроном». [...] Вас] иногда все же червячок сомнения гложет, раз пересказываете эти обывательские «советы»? Вот почему и злят эти спекулянты, для которых в сущности работа только гонорар, ставка, звание, положение“»⁴³.

⁴¹ Кара-Мурза Г.С. (1906–1945) – историк-китаевед, профессор (1935). Выпускник Московского института востоковедения, с 1932 г. – преподаватель, в 1935–1938 гг. – профессор МИВ; в 1939–1941 гг. – профессор МГУ, ст.н.с. ИИ АН СССР. Участвовал в Великой Отечественной войне, погиб на Забайкальском фронте во время войны с Японией.

⁴² *Тодер*. 2009: 559.

⁴³ *Тодер*. 2009: 560–561.

3.

Дневники часто, хотя и не всегда, как минимум не уступают дружеской переписке если не по свободе выражения злости, гнева и т.п., то по уровню эксплицитной рефлексии относительно этих чувств и приемлемости их демонстрации.

Злиться на самого себя или на некие неодушевленные предметы и обстоятельства было позволительно, при выражении этих чувств мы не видим никаких обоснований и оправданий. Например, Марина Аллендорф⁴⁴ рассказала в дневниковой записи от 20 января 1938 г., что, прося преподавателя передать от нее привет молодому человеку, к которому она, не признаваясь никому, в том числе самой себе, была равнодушна, она «ни с того ни с сего, покраснела ужасно, рассердилась сама на себя и от этого смутилась ещё больше»⁴⁵, а Г.В. Раевский в своем дневнике писал 25 мая 1941 г. с самоиронией, что параллельно с подготовкой к зачету по латыни занимался

«посторонними делами. Злился на непрерывный шум летающих где-то рядом над головой аэропланов. Радовался, что денег ни копейки за весь почти день не потратил, думал о родных, и о себе и о своей будущей судьбе, и обо всем другом, только не о *verba deponentia*»⁴⁶.

А вот открыто гневаться, злиться, сердиться на друзей и подруг было в принципе социально нежелательным поведением, которое полагалось в себе пресекать, осуждать или по крайней мере обосновывать, и многие авторы дневников явно отдавали себе отчет. Так, например, Н. Чепурнова⁴⁷ 29 мая 1939 г. писала в дневнике, который вела в соавторстве с тремя однокурсницами (под псевдонимами):

«Минна осмеливается излить свой гнев на Диану. [...] Возмутило и то меня, что она [Диана], после уговора не употреблять в дневнике компрометирующих фами-

⁴⁴ М. Аллендорф (1915–1994) – художник-график.

⁴⁵ <https://prozhito.org/person/361>.

⁴⁶ Раевский Г.В. Из дневника 1941 г. // Антонова, Богданов. 2009: 44.

⁴⁷ Н. Чепурнова (1920–1958) – студентка химического факультета Свердловского государственного университета.

лий, всё-таки нарочно пишет и злорадно их подчеркивает. Писать пожалуй перестану, потому что рассердилась вдруг и злюсь, как ведьма. У меня болит укол – не везет»⁴⁸.

В некоторых случаях дневники показывают нам, как подобные чувства (или их демонстрации) не подавлялась, а канализировались: злость перенаправлялась на подходящий объект и так делалась легитимной. Это наглядно видно в дневниковой записи Е.М. Рудневой⁴⁹ (в тот момент еще не студентки, а старшеклассницы и комсорга школы) от 12 сентября 1937 г. Здесь такой прием был использован ею вполне осознанно: не разрешив себе злиться на секретаря райкома комсомола, она обратила свои чувства на фашистов:

«Сегодня я одержала над собой крупную победу: я не обиделась, не рассердилась, настроение у меня не испортилось, хотя все основания к тому были. Зачем сердиться? И на кого? Шмарев, пожалуй, не виноват, мы, вероятно, не поняли друг друга. Я считала, что не следует расходовать свои чувства по пустякам. А ненавидеть у меня есть кого. Итальянцы потопили наши корабли в Средиземном море, „Тимирязев“ и „Благоев“, и, что меня особенно взорвало, пишут, что, вероятно, команды сами потопили корабли»⁵⁰.

4.

Разумеется, на рассмотренной источниковой базе нельзя делать широких выводов о том, каково было отношение к выражению гнева и злости у студентов 30-х – 40-х годов в целом и были ли практики выражения этих чувств, зафиксированные здесь, характерными только для советского студенчества тех лет или мы можем считать их частным случаем нормы, действовавшей во всем обще-

⁴⁸ <https://prozhito.org/note/560880>.

⁴⁹ Е.М. Руднева (1920–1944) поступила на механико-математический факультет МГУ в 1938 г., готовилась стать астрономом, но как комсомольская активистка осваивала со школьных лет и воинские навыки. Во время Великой Отечественной войны стала штурманом в авиации, погибла, посмертно награждена золотой звездой Героя Советского Союза.

⁵⁰ <https://prozhito.org/notes?date=%221935-01-01%22&diaries=%5B1053%5D>.

стве. С другой стороны, несколько ограниченных предварительных выводов мы все же можем сформулировать:

– Репрезентации таких чувств, как гнев, злость, обида, встречаются во всех рассмотренных жанрах эго-документов (мемуары, ответ на вопрос анкеты, личное письмо, дневник), но далеко не в каждом тексте того или иного жанра; многие тексты вообще не содержат упоминаний об эпизодах такого рода.

– В целом, хотя и с большими оговорками, на основе небольшой источниковой базы можно сделать предварительное наблюдение, что в текстах всех жанров в принципе отражается одна и та же культура, предусматривающая в иерархических отношениях большую свободу выражения этих чувств «сверху вниз» или «по горизонтали», меньшую – «снизу вверх».

– В условиях, когда выражение этих чувств ощущается как нежелательное, мы неоднократно видим, как они легитимируются, – преимущественно тремя способами: либо за счет приведения обоснований/оправданий, либо за счет постановки себя в более сильную позицию (обличителя, героя, любящего), дающую больше прав, либо за счет перенаправления злости на более подходящий объект (фашистов, карьеристов и прочих общих врагов).

Дальнейшие изыскания на более широкой источниковой базе позволят проверить эти выводы и, возможно, сделать новые. Особенно перспективным представляется сравнение с другими субкультурами и эпохами⁵¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Алексеев Л.В. Из воспоминаний // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / [Сборник]. Сост. Антонова С.И. Отв. ред. Богданов В.П. М., 2009. С. 461.

⁵¹ О широте спектра можно судить хотя бы по работе *Cocoradă. 2012*, где вербальное и физическое «микронасилие» как выражение злости учащихся по отношению к преподавателям и однокашникам рассматривается как повседневное явление в учебных заведениях разных стран.

- Аллендорф М. Дневник. URL: <https://prozhito.org/person/361>.
- Антонова С.И. Воспоминания советского человека / Предисл. В.П. Богданова, Ю.А. Мошкова, Е.О. Ягодкиной. М., 2014.
- Белявский М.Т. Из писем и записей первого года Великой Отечественной // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / [Сборник]. Сост. Антонова С.И. Отв. ред. Богданов В.П. М., 2009. С. 545.
- Майоров Н.П. Письма к Ирине Пташниковой // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / [Сборник]. Сост. Антонова С.И. Отв. ред. Богданов В.П. М., 2009. С. 545.
- [Максакова Л.В.] Письма студентов исторического факультета МГУ. 1941–1945 гг. // Вопросы истории. 2005. №5. С. 49–78.
- «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / [Сборник]. Сост. Антонова С.И. Отв. ред. Богданов В.П. М., 2009.
- Письмо М.Я. Гефтера Б.Г. Тартаковскому. Москва 20.VI.[1944] // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / [Сборник]. Сост. Антонова С.И. Отв. ред. Богданов В.П. М., 2009. С. 154, 508.
- Рабинович М.Г. Записки советского интеллектуала / Публ. и коммент. О.В. Будницкого; вступ. статья Л.А. Беляева, О.В. Будницкого, В.Я. Петрухина. М., 2005.
- Раевский Г.В. Из дневника 1941 г. // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / [Сборник]. Сост. Антонова С.И. Отв. ред. Богданов В.П. М., 2009. С. 44.
- Рапорт Ю.А. Толстов Сергей Павлович // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / [Сборник]. Сост. Антонова С.И. Отв. ред. Богданов В.П. М., 2009. С. 576.
- Руднева Е.М. Дневник. URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221935-01-01%22&diaries=%5B1053%5D>.
- Свойкина В.А. Боевой путь // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / [Сборник]. Сост. Антонова С.И. Отв. ред. Богданов В.П. М., 2009.
- Суслин С.М. Об истфаке, о моих товарищах и о себе // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / [Сборник]. Сост. Антонова С.И. Отв. ред. Богданов В.П. М., 2009. С. 228.
- Тодер Ф.А. Фронтные письма Кара-Мурзы Георгия Сергеевича // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ – участников Великой Отечественной войны / [Сборник]. Сост. Антонова С.И. Отв. ред. Богданов В.П. М., 2009. С. 559.
- Чепурнова Н. Дневник. URL: <https://prozhito.org/note/560880>.

ЛИТЕРАТУРА

- Делалой М.* Эмоции в микромире Сталина: случай Николая Бухарина (1937–1938). Типы большевистской мужественности и практика эмоций // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М., 2010. С. 431–456.
- Плампер Я.* История эмоций. М., 2018.
- Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М., 2010.
- Кунцман А.* «Омерзительные существа»: сексуальная политика отвращения в мемуарах узников ГУЛАГа // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М., 2010. С. 380–400.
- Эдельман Р.* Романтики-неудачники. «Спартак» в золотой век советского футбола (1945–1952) // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат и М. Эли. М., 2010. С. 306–328.
- Cocoradă E.* Gender differences in the micro-violence connected to the assessment process // Procedia - Social and Behavioral Sciences. No. 33 (2012). P. 183–187.
- Lehmann J.F.* Im Abgrund der Wut. Zur Kultur- und Literaturgeschichte des Zorns. Freiburg i. Br., 2012.
- Luke G.W.* State-Sponsored Advocacy? The Case of Florida's Students Working Against Tobacco. Doctoral Dissertation, Florida State University. 2004.
- Reddy W.M.* Against Constructionism: The Historical Ethnography of Emotions // Current Anthropology. 1997. Vol. 38. No. 3. P. 327–351.
- Rosenwein B.H.* Worrying about Emotions in History // The American Historical Review. Vol. 107. No. 3 (June 2002). P. 821–845.

ABSTRACTS

FRAUDSTERS, IMPOSTORS AND IMPOSTURE AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

A.B. Gerstein

IMPOSTURE AS A MARKER OF THE SOCIETY'S CONDITION

Keywords: impostors, false-rulers, deceivers, society, spiritual culture, everyday practices.

The phenomenon of imposture is considered in the article in the context of the specific state of societies where it appeared. The author pays close attention to the specifics of the perception of medieval impostors by different social groups, the ways of establishing and functioning of everyday and symbolic communication between the deceiver and his sympathisers, collective representations of justice, social order and its violations in different strata of society. The author identifies various forms of imposture — claiming belonging to another ethnicity, profession, or social class, creating fake genealogies, and using the label of impostor as a tool for defaming an opponent in polemical treatises. The goals of such deception could range from delegitimising the opponent to trying to increase one's social status or save one's own life. The author concludes that imposture is a peculiar reaction to a social crisis and simultaneously a way to bring society into balance and restore the 'proper' order of things.

I.A. Mirolyubov

GENEALOGICAL CONSTRUCTIONS OF EMPEROR CONSTANTINE THE GREAT AND THEIR PERCEPTION WITHIN HIS FAMILY

Keywords. Constantine the Great, Claudius Gothicus, Julian Apostate, Roman Emperors, Later Roman Empire, Prosopography of the Later Roman Empire, Roman aristocracy.

The House of Constantine the Great is one of the most significant imperial dynasties in the history of the Roman Empire. The history of this dynasty begins with the reign of Emperor Constantius Chlorus (reigned 293–305 AD), but his son Constantine in 310 AD announced that the ancestor of the family was Emperor Claudius Gothicus (reigned 268–270). Most modern researchers consider this genealogical construction a fiction. The study of the reasons that prompted Constantine to choose this "ancestor", as well as the means by which the emperor reinforced this genealogical scheme, comes to the fore.

The article deals with the reports of official sources (panegyrics, inscriptions and coins) about the relationship of the house of Constantine with Claudius Gothicus, as well as variants of the genealogical scheme proposed by ancient authors. Their diversity is due to the vagueness of official data: Claudius was presented in them as avus of Constantine, i.e. either his grandfather or ancestor in the general sense of the word. The article also pays attention to the perception of family tree by members of the Constantine's family (his brothers, sons and nephew Julian). Sources at your disposal allow us to assert that the members of the dynasty agreed with the version of kinship voiced by Constantine, but, like him, did not comment on the very degree of that kinship. In addition, Julian even tried to present himself as a more worthy descendant of Claudius Gothicus than his uncle.

S.I. Luchitskaya

«DO YOU CALL HIM A PROPHET? DO YOU CONSIDER HIM A MESSENGER OF GOD?». PETER THE VENERABLE ON THE CRITERIA FOR DISTINGUISHING A TRUE PROPHET FROM AN IMPOSTOR

Keywords: prophet of Islam, the 'Cluny' collection, Peter the Venerable.

The article examines a phenomenon typical of medieval spiritual and social life—the phenomenon of false prophets or self-proclaimed prophets. The focal point is the treatise of the Cluniac abbot Peter Venerable, where he clearly outlines the criteria for distinguishing a true prophet from a false one and endeavors to demonstrate that the founder of Islam, Muhammad, was a false prophet. The author of the article illustrates that the concepts of a prophet in Islam and Christianity are

significantly different and emphasizes that it is precisely a misunderstanding of these differences that led the church writer to his views on Islam.

L.B. Sukina

TSAR GOD CHOSEN AND NOT SELF-APPOINTED IN RUSSIA
1666
(THEME OF THE BLESSING OF THE KIND OF RIGHTEOUS
GOVERNERS IN THE “SPIRITUAL SWORD” OF LAZAR
BARANOVICH)

Keywords: Russian tsarist autocracy, House of Romanov, idea of a righteous sovereign, early printed book, theological and political concept.

The author explores the question of how the theme of God’s chosen king’s power was interpreted in the book “Spiritual Sword” of Lazar Baranovich in 1666. The idea of the choice of God of the supreme ruler and the protection of God of righteous sovereigns spread in the culture of the Christian world back in the Middle Ages. In Russia in the 1660s it was updated by a specific set of circumstances: church reform, expansion of the territory of the state through the annexation of new lands by military means, the absolutization of the power of Tsar Alexei Mikhailovich and the expectation of the End of the World. At the same time, the second sovereign of the House of Romanov was interested in additional arguments legitimizing his autocracy, as evidenced by the documents of the Secret Prikaz, concerning rumors about his “illegal” origin, and some details of the conflict between the Tsar and Patriarch Nikon. The article shows how Lazar Baranovich, with the help of scholastic theological and literary techniques, which includes, among other things, abundant quoting, creates a harmonious and convincing concept of the righteous family of the Russian sovereign, a dynasty that found itself at the pinnacle of power by the will of God. According to her, the sovereign Alexei Mikhailovich is not an impostor and an accidental minion of fate, but a God-chosen king, similar to the biblical David, Emperor Constantine the Great and other famous rulers of antiquity. By the right of the chosen of God one, the Russian Tsar wields both swords of power – secular and ecclesiastical.

E.D. Braun

AN IMPOSTOR OR A PRINCE AFTER ALL? PERKIN WARBECK IN BRITISH HISTORICAL MEMORY

Keywords: Perkin Warbeck, Impostors, Henry VII, Richard III, Princes in the Tower, British historiography.

In the XVI–XXI centuries, ideas about Perkin Warbeck made a full circle – from the perplexity of contemporaries, through the unconditional rejection of Tudor century, the first attempts to justify Warbeck of the XVII–XVIII centuries, sentimental novels and poems of the XIX century, scrupulous studies of the turn of the XX–XXI centuries, historians returned to the beginning. As well as contemporaries, they distrust the official, Tudor version of events and admit that the real prince, the rightful heir of the Yorks, was sent to the gallows.

The image of Warbeck turned out to be so contradictory because the choice between an "impostor" and a "prince" did not always depend on objective, scientific calculations. Often the decision was determined by an assessment of the Tudor rule and of the preceding period of the Wars of the Roses (especially the personality and reign of Richard III). There were also non-scientific factors. To find an extra-political explanation for Warbeck's success, even under the Tudors he was turned into an immensely charming handsome man, a victim of intrigues. Artists, poets and novelists were happy to exploit and develop this emotional component; as the historical distance lengthened, the image of Warbeck became more and more touching and sentimental.

O.I. Togoëva

IMAGINARY RICH AND FAKE BEGGARS: STREET SCAMMERS IN MEDIEVAL FRANCE

Keywords: The Middle Ages, France, the phenomenon of imposture, professional scammers, cross-dressing, royal legislation, judicial practice.

The article is devoted to the problem of imposture, which is considered in relation to the daily life of marginal strata of society in medieval France. The question is about professional scammers who

acted everywhere and posed as «decent people» for the purpose of personal gain. The main way of such transformations was the cross-dressing, and therefore the article analyzes a few, but vivid judicial cases that testify the use of someone else's (often stolen) clothes to build a new personality. The author notes that, despite the existence of specific criminal cases related to cross-dressing, i.e. stable judicial practice, there was no general royal legislation devoted to this problem in France till the end of the 15th century. Instead of it there were only private legal acts, the effect of which extended only to the population of Paris. This situation was explained, according to the author, by the limited possibilities of the royal justice, its precedent character, as well as the importance of the capital not only as the center of the country, but also as its largest city.

K.S. Khudin

SELF-PROCLAMATED PHYSICIANS & CHARLATANIC
PHYSICIANS: RECOGNITION OF THE PROFESSIONAL
COMMUNITY IN XVII CENTURY RUSSIA

Keywords: social history of medicine, Alltagsgeschichte, Early Modern history, Seventeenth century, Russia, Apothecary Chancery.

The article is devoted to the conflicts between the corporation of doctors of the Apothecary Chancery (Aptekarsky Prikaz) and representatives of other medical practices: private physicians, faith-healer, as well as the perception of such practices in the bureaucratic environment. The author considers bureaucratic mechanisms arising in the course of such conflicts, when the corporation defines a physician as an self-proclamated and, not considering him a part of its group, refuses to recognise his professional competences. At the same time, private practice itself is not a barrier to entry into the professional community, and being labelled an impostor, hence a charlatan, becomes a way of resolving intra- and inter-group conflicts. Such conflicts are different in each of the three examples with representatives of different social groups, but they equally illustrate the fact that a person who commits unconventional actions becomes an impostor in the eyes of the community.

O.V. Okuneva

SELF-APPOINTED FRENCHMEN AND “FRENCHMEN’S BROTHERS” IN 16TH CENTURY BRAZIL

Keywords: impostor, Brazil, 16th Century, allies, barter trade, captivity, Hans Staden, Giuseppe Adorno, Anthony Knivet.

The paper deals with the strategy that some Europeans chose in the 16th century Brazil while finding themselves in a hostile environment. Being captured by Indians and destined to death and following anthropophagy, a German soldier Hans Staden, a Genovese captain Giuseppe Adorno and an English adventurer Anthony Knivet decided to appoint themselves as Frenchmen (their captors regarded Frenchmen as friends and trade partners). The Indians’ reaction to the declarations of such “impostors” (including some “tests for identity”) reveals the way the Brazilian Indians considered one European nation as friend and ally rather than another.

A special attention is paid to the cross-verified elements in Staden’s, Adorno’s and Knivet’s stories. This cross-validation is mostly important for Staden’s testimony (most detailed of all): the German author describes his first unsuccessful attempts to save his life by assuming another identity as an act of faith and a miraculous escape, so it is essential to distinguish the facts from the metaphors.

The paper discusses the degree in which Staden, Adorno and Knivet can be considered as impostors. They did not seek to gain something beyond what they had, just to save their lives. So they are more “self-appointed” Frenchmen (in the sense of self-denomination) rather than persistent usurpers of someone else’s identity.

MEDIEVAL HISTORIOGRAPHY

A.D. Scheglov

DIARIUM VADSTENENSE AND VADSTENA ABBEY

Keywords: History of Sweden, Middle Ages, Catholic Church, monasteries, monastic orders, annals.

Diarium Vadstenense, the chronicle of Vadstena Abbey (the principal cloister of the Birgittine order) is one of the most interesting narrative sources of medieval Scandinavia. The present article focuses

on the types of entries, their aims and their data. I pay attention to individual cases, to data concerning the health and the diseases of the Birgittines, as well as their age and death. I demonstrate that life expectancy of the Birgittines was high enough. Special attention in my article is paid to the question of the character of Vadstena Abbey. Can we regard Vadstena Abbey as a mixed community of men and women, a so-called double cloister? Or should we treat it as two separate monasteries behind one fence? I demonstrate that Vadstena Abbey must be regarded as a single mixed congregation. The brethren and the sisters lived in proximity. Both communities were subject to Mother Superior. The economy was common. Both parts of the monastery interacted constantly. The usual definitions – brethren (*fratres*) and sisters (*sorores*) were of the same type. Both communities are frequently called the same name – a convent, and often the expression “both convents” is used. The level of integration of the two parts of Vadstena Abbey was high; the monastery mentioned must be regarded as a single institution.

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.G. Avdeev

ANDREY SEMYONOVICH BEDOV: THE SERVICE CLASS MAN OF KASHIN, THE MOSCOW NOBLEMAN, THE GOVERNOR, THE MONK, THE BUILDER OF THE WALLS OF THE KALYAZIN MONASTERY

Keywords: history of Russia in the 17th century, Kashinsky district, Kashinsky nobility Bedovy, Troitskiy Makariev Kalyazin monastery, testament, contributions to monasteries, monastery building.

The paper analyzes the life's journey of the Kashin service class man Andrei Semenyovich Bedov. During the Time of Troubles, he consistently served False Dmitry II, after the latter's death he swore allegiance to Prince Vladislav, then, together with Prince Dmitry Timofeevich Trubetskoy, he joipapned the militia of Procopius Lyapunov. At the beginning of the reign of Mikhail Fedorovich, Andrei Bedov was engaged in the restoration of the Kashin estates and, with the help of a fictitious deal with the Archbishop of Tver Arseny Elassonsky, transferred one of the estate villages to a patrimony. In the 30s of the 17th century Andrei Bedov, having received the rank of Moscow

nobleman, served as a governor in Tver, participated in the Smolensk War, and later held administrative positions in Moscow. Andrei Bedov was closely associated with the Makaryev Kalyazin Monastery of St. Trinity, making generous contributions to it, and in 1641 he took monastic vows there with the name Abraham. As a cellarer at the monastery, he supervised the building of the walls around the monastery in 1644-1647 and made a large contribution to their construction. Andrei (Abraham) Bedov died on February 9, 1650, having distributed property, estates and patrimonies among close relatives, people from his circle, as well as monasteries and churches of Kashinsky district.

RUSSIAN HISTORY: QUO VADIS?

I.M. Souponitskaya

EVOLUTION OF DISILLUSIONMENT:

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 WITH THE EYES OF TWO ÉMIGRÉS

Keywords: revolution, anarchism, the Bolsheviks, dictatorship, disillusionment.

The memoirs of two Russian émigrés, anarchist Emma Goldman and socialist Angelica Balabanoff, recently published in Russia, provide a perspective on the formation of Bolshevik power after the October coup that differs from the Soviet version of events, revealing little-known aspects of the 1917 revolution. Goldman, deported from the United States, highlighted the role of anarchists in revolutionary Russia, portraying them not as a chaotic force but as a socialist movement advocating an alternative to the dictatorship of the proletariat—namely, the development of self-government as called for by Mikhail Bakunin and Peter Kropotkin. Like other opponents of the Bolsheviks, the anarchists were ultimately suppressed.

Balabanoff, a member of the Italian Socialist Party and the RCP(b), and secretary of the Executive Committee of the Comintern, discussed the methods of party building, particularly the Bolsheviks' influence on the split within the international socialist movement.

Having arrived in Russia after the 1917 revolution to support the birth of a workers' and peasants' republic, both women were soon forced to leave, disillusioned by the policies of the Soviet state.

HISTORY OF THE EMOTIONS

K.A. Levinson

“I DO HAVE SOMEBODY TO HATE”: ANGER, RAGE AND HOW
(NOT) TO EXPRESS THEM IN THE MOSCOW STATE
UNIVERSITY MILIEU OF THE LATE 1930S AND EARLY 1940S.

Keywords: university history, history of emotions, history faculty, Moscow State University, history of Soviet academia.

The article draws on memoirs, questionnaires, letters and diaries of students of the Faculty of History at Lomonosov Moscow State University in the second half of the 1930s and the first half of the 1940s to examine the practices of expressing anger, rage and similar emotions in this milieu. Representations of such feelings are rare in the ego-documents examined, but still allow us to draw a tentative conclusion about the existence of norms that provided in hierarchical relations for greater freedom to express these feelings ‘top down’ or ‘horizontally’ than ‘bottom-up’. When an expression of anger or rage was felt by the authors to be undesirable, they resorted to three ways of legitimizing it: providing a justification, placing oneself in a morally stronger and more empowered position, or redirecting one’s anger to a legitimate object.

HISTORY OF THE EDUCATION

K.V. Sutorius

THE DISCIPLINE OF LOGIC BY SOPHRONY LIKHUJ AND THE
NEW SOURCES ON ITS HISTORY

Keywords: Sophronios Lychudes, teaching of Logic, Moscow Slavo-Greek-Latin academy, handwritten sources, scholastic.

The paper is devoted to a manuscript, which contains a course of Logic, taught in Moscow Slavo-Greek-Latin academy by Sophronios Lychudes at the beginning of the 1690s. The manuscript is housed in the Yaroslavl museum and is still little known to scholars. The paper describes the composition (parts) of the manuscript. It is stated that Logic in Greek, which is presented here, is an unknown copy of Sophronios' course so far. The manuscript is written by more than one hand, and relations of these to other handwritten witnesses related to Moscow academy are considered. The text of Logic from the Yaroslavl manuscript is compared to the text found in records known before in order to determine its place among other witnesses of this course. Both notes in the Yaroslavl manuscript and documents, which have become known recently, allow to reconsider the common dating of Sophronios' Logic. Features of codex put the question about how the instruction of Logic by Sophronios was established, and how his students worked on their notes, on the basis of which we discuss the course. Witnesses of bilingual (Latin/Greek) teaching of Logic are considered in connection with this question. It is argued that the Latin text of Sophronios' Dialectic, known in one codex, was not a translation from Greek.

REVIEWS

S.I. Luchitskaya

THE STORY OF THE SWAN KNIGHT IN THE EPIC OF THE CRUSADE CYCLE: EPIC POEM, FAIRY TALE, OR COURTLY ROMANCE?

Keywords: epic poems, Old French Crusade cycle, the legend of the Knight of the Swan

Review on *Les Enfants-Cygnés suivi de La Chanson du Chevalier au Cygne* (d'après le ms. Paris, BnF fr.1558). Edition bilingue. Texte établi, traduction, présentation par Claude Lachet. Paris: Honoré Champion, 2023. 795 p.

A.D. Scheglov

THE RUSSIAN TRANSLATIONS OF DANISH CHRONICLES

Keywords: review, history of Denmark, Danish annals and chronicles.

Review on **Datskie chroniki XII veka. Perevod s lat., dat., shved. i krit. apparat A.S. Dosaeva, I.B. Gubanova, O.A. Markelovoi, O.V. Kutareva i A.B. Rukavishnikova-Radonezhskogo** [Danish Chronicles of the 12th century. Translation from Latin, Danish and Swedish and the critical apparatus by A.S. Dosaev, I.B. Gubanov, O.A. Markelova, O.V. Kutarev and A.B. Rukavishnikov-Radonezhsky]. Moscow: Russkaya Panorama, 2022. 344 p.; **Datskie annaly XII–XIV vekov. Perevod s latinskogo, datskogo i kriticheskij apparat A.S. Dosaeva, I.B. Gubanova, O.A. Markelovoi i O.V. Kutareva** [Danish Annals from the 12th to the 14th century. Translation from Latin, Danish and Swedish and the critical apparatus by A.S. Dosaev, I.B. Gubanov, O.A. Markelova and O.V. Kutarev]. Saint Petersburg: DMITRY BULANIN, 2024. 368 p.

The review examines the Russian translations of Danish narrative monuments from the 12th to the 14th century – *Chronicon Roskildense*, *Chronicon Lethrense*, *Annales Lundenses* and other texts which serve as valuable sources on the history of medieval Denmark.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Герштейн Анна Борисовна – к.и.н., н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории репрезентации власти и символической коммуникации в Средние века, феномену монархического самозванчества в средневековой Европе.

Миролюбов Иван Андреевич – к.и.н., доцент кафедры истории РГАУ–МСХА имени К.А. Тимирязева, специалист в области идеологии императорской власти в Древнем Риме, истории Поздней Римской империи, истории дома Константина Великого.

Лучицкая Светлана Игоревна – д.и.н., в.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории крестовых походов, истории рыцарства, христианских представлений об иноверцах, средневековой иконографии.

Сукина Людмила Борисовна – д.и.н., канд. культурологии, доцент; зав. кафедрой подготовки кадров высшей квалификации, профессор Института программных систем РАН, специалист в области российской культуры раннего Нового времени.

Браун Елена Давыдовна – к.и.н., доцент РАНХиГС, специалист по политической истории Англии позднего Средневековья и раннего Нового времени, средневековой английской историографии.

Тогоева Ольга Игоревна – д.и.н., г.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист в области средневекового права и правосознания, средневековой символики, политической и религиозной истории Западной Европы.

Худин Кирилл Станиславович – к.и.н., м.н.с. Отдела специальных исторических дисциплин ИВИ РАН, ведущий сотрудник РГАДА. Специалист по российской истории XVII в.

Окунева Ольга Владимировна – к.и.н., доктор университета Париж-Сорбонна, с.н.с. Отдела новой и новейшей истории ИВИ РАН, специалист по истории европейской экспансии в Новый Свет XVI–XVII вв., раннеколониальной истории Бразилии, формированию образа Другого во Франции раннего Нового времени.

Щеглов Андрей Джолинародович – д.и.н., в.н.с. Отдела Западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, специалист по истории Швеции в Средневековье.

Олариу Доминик – профессор, в разное время преподавал в университетах Дижона, Марбурга и Дюссельдорфа, специалист по истории искусства Средних веков и раннего Нового времени. Автор книг и статей по истории средневекового портрета и научного знания.

Бисаха Нэнси – профессор Вассарского колледжа (США), автор книг и статей о гуманизме и крестовых походах.

Авдеев Александр Григорьевич – д.и.н., профессор Историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, н.с. Университета Дмитрия Пожарского, специалист по отечественной эпиграфике Московской Руси и ранней Российской империи.

Супоницкая Ирина Марковна – д.и.н., в.н.с. Отдела исторической антропологии и истории повседневности ИВИ РАН, специалист по истории США XX в., советско-американским отношениям.

Левинсон Кирилл Алексеевич – кандидат исторических наук, доктор философии. Сфера научных интересов – социальная история науки и образования в Новое и Новейшее время.

Суториус Константин Владимирович – к.и.н., доцент Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, специалист по истории отечественного образования, педагогики Нового времени.

Ведюшкин Владимир Александрович – к.и.н., в.н.с. Отдела Западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, специалист по истории Испании XV–XVII.

СОДЕРЖАНИЕ

МОШЕННИКИ, САМОЗВАНЦЫ И САМОЗВАНЧЕСТВО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

- А.Б. Герштейн*
САМОЗВАНЧЕСТВО КАК МАРКЕР СОСТОЯНИЯ
ОБЩЕСТВА 5
- И.А. Миролубов*
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ИМПЕРАТОРА
КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО И ИХ ВОСПРИЯТИЕ
ЧЛЕНАМИ ЕГО СЕМЬИ 17
- С.И. Лучицкая*
«ПРОЗЫВАЕТЕ ЕГО ПРОРОКОМ, СЧИТАЕТЕ ЕГО
ПОСЛАНЦЕМ БОГА?» ПЕТР ДОСТОПОЧТЕННЫЙ О
КРИТЕРИЯХ ОТЛИЧИЯ ИСТИННОГО ПРОРОКА ОТ
САМОЗВАНЦА 37
- Л.Б. Сукина*
ЦАРЬ БОГОИЗБРАННЫЙ, А НЕ САМОЗВАННЫЙ В
РОССИИ 1666 ГОДА (ТЕМА БЛАГОСЛОВЕНИЯ РОДА
ПРАВЕДНЫХ ГОСУДАРЕЙ В «МЕЧЕ ДУХОВНОМ»
ЛАЗАРЯ БАРАНОВИЧА) 53
- Е.Д. Браун*
САМОЗВАНЕЦ ИЛИ ВСЁ-ТАКИ ПРИНЦ? ПЕРКИН УОРБЕК
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ АНГЛИЧАН 70
- О.И. Тогоева*
МНИМЫЕ БОГАЧИ И ПОДДЕЛЬНЫЕ НИЩИЕ: УЛИЧНЫЕ
МОШЕННИКИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ 95
- К.А. Худин*
ВРАЧИ-САМОЗВАНЦЫ И ВРАЧИ-ШАРЛАТАНЫ:
ПРИЗНАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА
В РОССИИ XVII ВЕКА 111

- О.В. Окунева*
САМОНАЗВАННЫЕ ФРАНЦУЗЫ И «БРАТЯ ФРАНЦУЗОВ»
В БРАЗИЛИИ XVI ВЕКА 129

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ

- А.Д. Щеглов*
ВАДСТЕНСКИЙ ДИАРИЙ И ВАДСТЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ 159

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОРТРЕТА

- Д. Олариу*
ТЕЛО И ПОРТРЕТ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.
ВЫСТАВЛЕНИЕ ТЕЛ УСОПШИХ, ПОСМЕРТНЫЕ
МАСКИ И МИМЕТИЧЕСКОЕ НАДГРОБНОЕ
ИЗОБРАЖЕНИЕ (*пер. С.И. Лучицкой*) 195

ДРУГАЯ ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

- Н. Бисаха*
ПАПА ПИЙ II И КРЕСТОВЫЙ ПОХОД
(*пер. С.И. Лучицкой*) 228

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

- А.Г. Авдеев*
АНДРЕЙ СЕМЁНОВИЧ БЕДОВ: КАШИНСКИЙ
СЛУЖИЛЫЙ ЧЕЛОВЕК, МОСКОВСКИЙ ДВОРЯНИН,
ВОЕВОДА, МОНАХ, СТРОИТЕЛЬ СТЕН
КАЛЯЗИНА МОНАСТЫРЯ 252

ИСТОРИЯ РОССИИ: QUO VADIS?

- И.М. Супоницкая*
ЭВОЛЮЦИЯ РАЗОЧАРОВАНИЯ: РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1917 Г. ГЛАЗАМИ ДВУХ ЭМИГРАНТОК 285

ИСТОРИЯ ЭМОЦИЙ*К.А. Левинсон*

«А НЕНАВИДЕТЬ У МЕНЯ ЕСТЬ КОГО»:
ЗЛОСТЬ, ГНЕВ И ИХ (НЕ)ВЫРАЖЕНИЕ В МОСКОВСКОЙ
УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ 30–40-Х ГОДОВ XX ВЕКА 334

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ*К.В. Суториус*

КУРС ЛОГИКИ СОФРОНИЯ ЛИХУДА И НОВЫЕ
ДОКУМЕНТЫ ПО ЕГО ИСТОРИИ 354

РЕЦЕНЗИИ*С.И. Лучицкая*

ЛЕГЕНДА О РЫЦАРЕ ЛЕБЕДЯ
(рец.: *Les Enfants-Cygnes suivi de La Chanson du
Chevalier au Cygne* (d'après le ms. Paris, BnF fr.1558).
Edition bilingue. Texte établi, traduction, présentation
par Claude Lachet. Paris: Honoré Champion, 2023. 795 p.) 386

А.Д. Щеглов

РУССКИЕ ПЕРЕВОДЫ ДАТСКИХ ХРОНИК
(рец.: Датские хроники XII века / Перевод с лат., дат.,
швед. и крит. аппарат А.С. Досаева, И.Б. Губанова,
О.А. Маркеловой, О.В. Кутарева и
А.Б. Рукавишников-Радонежского.
М.: «Русская панорама», 2022. 344 с.;
Датские анналы XII–XIV веков / перевод с латинского,
датского и критический аппарат А.С. Досаева,
И.Б. Губанова, О.А. Маркеловой и О.В. Кутарева.
СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2024. 368 с.) 396

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Д.Э. Харитоновичу — 80 лет 401

IN MEMORIAM

А.Ф. Кофман (17.08.1954 – 16.05.2024)	404
ABSTRACTS	413
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	424
СОДЕРЖАНИЕ	426
CONTENTS	430

CONTENTS

FRAUDSTERS, IMPOSTORS AND IMPOSTURE AS A SOCIOCULTURAL PHENOMENON

<i>A.B. Gerstein</i> IMPOSTURE AS A MARKER OF THE SOCIETY'S CONDITION	5
<i>I.A. Mirolyubov</i> GENEALOGICAL CONSTRUCTIONS OF EMPEROR CONSTANTINE THE GREAT AND THEIR PERCEPTION WITHIN HIS FAMILY	17
<i>S.I. Luchitskaya</i> «DO YOU CALL HIM A PROPHET? DO YOU CONSIDER HIM A MESSENGER OF GOD?» PETER THE VENERABLE ON THE CRITERIA FOR DISTINGUISHING A TRUE PROPHET FROM AN IMPOSTOR	37
<i>L.B. Sukina</i> TSAR GOD CHOSEN AND NOT SELF-APPOINTED IN RUSSIA 1666 (THEME OF THE BLESSING OF THE KIND OF RIGHTEOUS GOVERNERS IN THE “SPIRITUAL SWORD” OF LAZAR BARANOVICH)	53
<i>H.D. Braun</i> AN IMPOSTOR OR A PRINCE AFTER ALL? PERKIN WARBECK IN BRITISH HISTORICAL MEMORY	70
<i>O.I. Togoeva</i> IMAGINARY RICH AND FAKE BEGGARS: STREET SCAMMERS IN MEDIEVAL FRANCE	95
<i>K.S. Khudin</i> SELF-PROCLAMATED PHYSICIANS & CHARLATANIC PHYSICIANS: RECOGNITION OF THE PROFESSIONAL COMMUNITY IN XVII CENTURY RUSSIA	111

O.V. Okuneva

- SELF-APPOINTED FRENCHMEN AND “FRENCHMEN’S
BROTHERS” IN 16TH CENTURY BRAZIL 129

MEDIEVAL HISTORIOGRAPHY

A.D. Scheglov

- DIARIUM VADSTENENSE AND VADSTENA ABBEY 159

ON HISTORY OF MEDIEVAL PORTRAIT

D. Olariu

- BODY AND PORTRAIT IN THE LATE MIDDLE AGES.
DEMONSTRATION OF THE BODIES OF DEAD, DEATH
MASKS AND MIMETIC FUNERAL IMAGE 195

THE OTHER HISTORY OF THE CRUSADES

N. Bisaha

- POPE PIUS II AND THE CRUSADE 228

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.G. Avdeev

- ANDREY SEMYONOVICH BEDOV: THE SERVICE CLASS
MAN OF KASHIN, THE MOSCOW NOBLEMAN,
THE GOVERNOR, THE MONK, THE BUILDER OF THE
WALLS OF THE KALYAZIN MONASTERY 252

RUSSIAN HISTORY: QUO VADIS?

I.M. Souponitskaya

- EVOLUTION OF DISILLUSIONMENT: THE RUSSIAN
REVOLUTION OF 1917 WITH THE EYES OF
TWO ÉMIGRÉS 285

HISTORY OF THE EMOTIONS*K.A. Levinson*

- I DO HAVE SOMEBODY TO HATE”: ANGER, RAGE AND
HOW (NOT) TO EXPRESS THEM IN THE MOSCOW
STATE UNIVERSITY MILIEU OF THE LATE 1930S AND
EARLY 1940S. 334

HISTORY OF THE EDUCATION*K.V. Sutorius*

- THE DISCIPLINE OF LOGIC BY SOPHRONY LIKHUD AND
THE NEW SOURCES ON ITS HISTORY 354

REVIEWS*S.I. Luchitskaya*

- THE STORY OF THE SWAN KNIGHT 386

A.D. Scheglov

- THE RUSSIAN TRANSLATIONS OF DANISH CHRONICLES 396

ANNIVERSARIES

- THE 80th ANNIVERSARY OF DMITRIY EDUARDOVICH
KHARITONOVICH 401

IN MEMORIAM

- A.F. KOFMAN (17.08.1954 – 16.05.2024) 404

- ABSTRACTS 413

- LIST OF OUR AUTHORS 426

- CONTENTS 430

Одиссей. Человек в истории

МОШЕННИКИ, САМОЗВАНЦЫ И
САМОЗВАНЧЕСТВО
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН
2024 №№1-2 (32-33)

Главный редактор
А.О. Чубарьян

Ответственный редактор
А.Б. Герштейн

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Научное издание

Подписано к печати 21.10.2024 г.

Печать офсетная. Гарнитура Таймс Нью Роман
Объём – 27 усл.-печ. л. Тираж — 500 экз. (Первый завод —
100 экз.)
Зак. №

Ленинский проспект, 32а